

**ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА:
«КТО» ВИДИТ МИР?
(эскиз концепции взаимоотношения)**

В. А. Петровский

*НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия,
e-mail: petrowskiy@mail.ru*

Вопрос о связи психического и физического (души и тела), сохраняя значение одной из центральных проблем философии, интригует трудностью своего рассмотрения не только философов, но и представителей конкретных наук, психологов, физиков, логиков, семиотиков. В последние два столетия появились новые термины («квалиа», «супервентность», «эмерджентность», «философский зомби»), призванные содействовать разрешению «трудной проблемы сознания» (Д. Чалмерс). Но обеспечивают ли эти лингвистические инновации существенный прогресс в решении старой проблемы? Автор полагает, что, обновляя традиционный дискурс, они требуют существенной конкретизации, так как оставляют неясным сам критерий различения «психического» и «физического» (без чего вопрос об их соотношении теряет какой-либо смысл). Искомый критерий описывается в статье как трансферентность (распространяемость «за») нетрансферентность (приверженность месту). «Физическое» (волны, частицы) сохраняют собственные свойства за пределами места своего возникновения, обнаруживая трансферентность (частицы переносятся, волны распространяются без изменения собственных свойств); «психическое» (ощущения, представления, чувства, мысли, эмоции, устремления и др.) — нетрансферентны (существуют там и только там, где возникли). Трудность разрешения психофизической проблемы обусловлена «ошибкой смотрящего» — неразличением чувственных (представляемых) и сверхчувственных (мыслимых) элементов. Психические явления представляют собой результат взаимодействия мыслимых физических элементов (по примеру интерференции волн и образованию «стоячей волны»). Подразумевается, что одним из участников взаимодействия («сопродуцентом») является органическое тело индивида (и, в частности, его мозг). Гипотетическая модель психических содержаний (метафорическая модель) — это внутренняя голограмма, порожденная индивидом и существующая в единственном экземпляре. Предполагается, что, имея структурный характер, она способна конфигурировать проходящую сквозь нее лучистую энергию тела, выступая тем самым в роли «формальной» и «целевой» причин поведения (в терминах Аристотеля). Таким образом, оспаривается представление об эпифеноменальности (избыточности) психики в организации активности индивида. Особо подчеркивается эксклюзивный характер психических явлений как внутренних голограмм, так как согласно исходной гипотезе они привержены месту своего возникновения, — не могут быть зафиксированы с помощью технических устройств или, как говорится, «глазом», «извне» (не могут быть «извлечены», «подсмотрены», «переданы», «сфотографированы», «запеленгованы» и т.п.). Принято говорить, что психические содержания «скрыты от стороннего наблюдателя» и при этом «видимы (переживаемы) только изнутри». Автор показывает, что представления о «видимости психических содержаний изнутри» подлежат критическому рассмотрению: идея «внутреннего созерцателя» порождает

представление о «гомункулусах», — дурную бесконечность вложенных друг в друга «человечков». Тезис автора состоит в том, что первоначально «нет никого внутри, кто видел бы, переживал, стремился», иными словами, был субъектом внутренней жизни («я»); «созерцаемое» и «созерцатель» суть фрагменты феноменального поля, «комментированные» культурно-заданными вербальными знаками («я вижу», «я представляю», «я испытываю» и т.п.). Некоторые модели «я», порожденные телесностью индивида в социокультурной среде, проявляют свойство самодвижения, *causa sui*. Таким образом, в целом, взаимоотношения психического и физического интерпретируется как их взаимоопосредование, — со-бытийность; отношения не симметричны: не психика — «для тела», а тело — «для психики».

Ключевые слова: «трудная проблема сознания», квалиа, супервентность, эмерджентность, психическое, физическое, маргинальное, трансферентность–не-трансферентность, чувственное, сверхчувственное, причинность, эпифеномен, опосредование, «я».

DOI: 10.7868/S1819265318010053

Для цитаты: Петровский В.А. (2018). Психофизическая проблема: «кто» видит мир? (эскиз концепции взаимоопосредования) // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 58–83.

Вступительные заметки. Жанр этого повествования — скорее эскиз концепции, чем систематическое изложение завершенной концептуальной системы. По-видимому, нет в данный момент для автора иного пути, чем, высказывая свои мысли, заранее ограничить охват проблемы — в ее исторической ретроспективе, критическом анализе сегодняшних попыток решения. Обоснование собственных авторских предложений имеет, скорее, гипотетический (а то и метафорический) характер, чем указание на философски выверенные, эмпирически верифицированные аргументы. Некоторым оправданием автору служит то, что «психофизическая проблема» до сей поры составляет интригу и «центральный вопрос философии», не получившей ответа на протяжении нескольких столетий. Перед нами каскад «мысленных экспериментов» — характерная примета собственно философского (кабинетного) экспериментирования, открывающего возможности существования / несуществования решения проблемы, не подпадающей сегодня или в принципе подтверждению или опровержению в экс-

перименте. Также и автор этих строк, психолог-экспериментатор и вместе с тем психолог-практик, не помышляет сейчас о проведении каких-либо реальных (лабораторных) и, тем более, «полевых» исследований в данной области знания. При этом автор не исключает необходимости проведения эмпирических исследований, объединяющих философов с психологами и физиками, коль скоро речь идет о философской проблеме взаимоотношений между предметами той и другой науки, представителями которых они являются.

Позитивистски мыслящие психологи, бдительно относящиеся к суждениям, порою не имеющими «научного» (по Карлу Попперу) характера, осторожно именуют свои мысленные построения «спекулятивными», но все-таки не могут обойтись без них. Так и математики не могут обойтись без метаязыка (языка смыслов), комментируя формальный язык своих теорий. Искус говорить о неведомом, не скрывая свои подлинные, но требующие дополнительной аргументации мысли, — неотчуждаемая часть науки (или так хотелось бы думать).

Психофизическая проблема, попытки ее решения, включает в себе определенный риск для мыслителей. Она обладает особой цепкостью, способна довести до отчаяния тех, кто над нею задумывается (многим, я знаю, повезло *никогда* не задумываться!). Впрочем, защитные механизмы и копинговые стратегии ученых функционируют бойко, обесценивая саму постановку проблемы, либо рождая одно за другим решения, кажущиеся истинными и тем самым «снимающим» эту проблему. Почти каждому из задумавшихся и предложившему свое решение думается, что его собственная отгадка — лучшая и что *его* слово станет последним. Так временами представляется и мне, автору этих строк. Но, в отличие от многих других старателей, я все-таки сознаю гипотетичность своих построений.

За пределами рассмотрения остаются... Общеизвестны исторически сложившиеся решения психофизической проблемы: теория психофизического взаимодействия (Р. Декарт) и теория психофизического параллелизма (Б. Спиноза). К традиционному изложению взглядов великих автор этой статьи, пожалуй, мало что мог бы добавить.

В новой истории попыток решения обсуждаемой проблемы мы встречаем теорию С. Л. Рубинштейна — «психофизического единства». Но является ли это теорией — вопрос. На наш взгляд, С. Л. Рубинштейн предложил словесную формулу, позволяющую, скорее, отсрочить решение, чем предложить новое, или, если быть оптимистом, удобное словесное место для последующих содержательных решений. Смысл предлагаемой Рубинштейном формулировки: они оба — Декарт и Спиноза — по своему правы, и в то же время оба не правы. Будущее покажет, что есть в действительности, но пока перед читателями фундаментальных «Основ общей психологии» — *означающее* для будущих *означаемых*. Есть решение? — Отчасти.

В новейшей истории поисков, на фоне серьезных разработки проблем методологии науки (В. А. Мазилев, И. Н. Карицкий) и психологии сознания (В. М. Аллахвердов, А. В. Карпов)¹ определилось несколько интересных подходов в трактовке и разрешении психофизической проблемы (в России — разработки психологов Я. А. Пономарева, Л. М. Веккера, Ю. Б. Гиппенрейтер, А. И. Миракяна, В. Ф. Петренко, а также философов Д. И. Дубровского, В. В. Васильева, Д. Б. Волкова, Д. В. Иванова, С. В. Нагумановой, несколько особняком — Э. В. Ильенкова²; за рубежом — Д. Чалмерса, Д. Деннета, Дж. Серлза, Н. Хамфри, Т. Нагель и др.). Все эти подходы требуют

¹ Могут быть названы в связи с исследованиями сознания авторы нейрокогнитивных исследований (среди отечественных авторов — Б. М. Величковский, Ю. А. Александров и др.). Их креативные работы посвящены обсуждению биологических коррелятов сознания, но для нас это проблема *смежная* — психофизиологическая — хотя в литературе, даже энциклопедических статьях, до сих пор встречается путаница. Впрочем, некоторые работы самим своим содержанием немало содействуют тому, чтобы ассоциация по смежности между данными проблемами превратилась в ассоциацию по сходству; таково, к примеру, нейрокогнитивное исследование с многообещающим названием, начинающимся словами «В поисках Я...» (Velichkovsky et al., 2017).

² Не могу не поделиться воспоминанием о короткой встрече с Э. В. Ильенковым, активным критиком взглядов Д. И. Дубровского. Я возлагал большие надежды на разговор с Ильенковым, творцом блистательной теории «идеального»: что-то он скажет о психофизической проблеме? Я подошел к нему после лекции, которую мне посчастливилось услышать. Меня интересовал простой с виду вопрос, трудно сочетаемый, как мне казалось, с теорией Ильенкова: почему выпитая чашечка кофе (химия) вызывает изменение в самочувствии человека? Где здесь «идеальное» и есть ли оно здесь? Как соотносится идеальное и субъективное? Словом, я рискнул поставить вопрос о взаимоотношениях между теорией идеального и психофизической проблемой. Общий смысл ответа Ильенкова был таким: «Психофизическая проблема — ложная проблема, нет такой проблемы»... Аналитические философы последующих поколений, оказывается, и не знали, что предмета их исследований не существует.

специального *подробного* рассмотрения — о них нельзя говорить мимоходом³.

Новые слова или новое слово? В новейшее время с легкой руки Дэвида Чалмерса, в 1995 г., проблема была переназвана довольно точно и одновременно абсолютно неузнаваемым образом. Отныне перед нами не проблема «души и тела» (прочь эту архаику!), не «психофизическая проблема» (вечное «X», решаемое через «Y»), но просто и чистосердечно — «*трудная проблема*» сознания (Чалмерс, 2013). Таков, пожалуй, сегодняшний бренд, объединяющий философов, психологов, физиологов, физиков, работающих над ее решением.

Появились новые, а также освежены некоторые старые понятия, привлекаемые для того, чтобы справиться с трудной проблемой сознания:

- *квалиа* (новое понятие),
- *супервентность* (понятие, почти знакомое и явно менее сложное для понимания, чем его замысловатая словесная упаковка),
- *эмерджентные* свойства (эквивалент тому, что философы и психологи привычно называют «свойствами целого»).

Квалиа. Этот термин (от лат. *qualia* (мн. ч.) — *свойства, качества, quale* (ед. ч.) — *какого сорта или какого рода*) — используется в философии, преимущественно в англоязычной аналитической философии сознания, для обозначения сенсорных, чувственных явлений любого рода. Введен американским философом К. И. Льюисом в 1929 году. С тех пор это понятие иногда рассматривается как аргумент против сведения ментального (субъективно сущего) к физическо-

му (объективно сущему). Доказательство в пользу существования «квалиа», строящиеся, впрочем, на недоказуемых интуитивных посылах, может включать в себя некий феноменологический эксперимент: попробуйте ответить, что ощущает в полете летучая мышь? (Нагель, 2003). Добавим уже от себя: что «чувствует» комар, пьющий кровь? Об этом мы никогда не узнаем, — наверняка мы испытываем иные чувства, когда пьем кровь ближнего.

Э. Шредингер писал: «Ощущение цвета нельзя свести к объективной картине световых волн, имеющейся у физика. Мог бы физиолог объяснить его, если бы он имел более полные знания, чем у него есть сейчас, о процессах в сетчатке, нервных процессах, запускаемых ими в пучках оптических нервов в мозге? Я так не думаю» (Schrödinger, 2001).

Не отрицая красоты обольщающего своим звучанием термина «квалиа», нельзя не отметить сходства соответствующего конструкта с более привычным для нас (и ничем себя не ослабившим) понятием «ощущение». Разница, может быть, в том, что «ощущение» обычно означает для нас ощущение *чего-то* (знаемого или незнаемого), а термин «квалиа» подчеркивает отнесенность элемента, обозначаемого этим термином, к субъективной сфере индивидуума (= ментальности).

Ближе всего «квалиа», если иметь в виду исторические параллели, к так называемым «вторичным качествам» в их оппозиции к «первичным качествам». Напомним, что под *первичными* качествами Джон Локк понимал объективные свойства материальных тел, относя к ним протяженность, величину, фигуру, сцепление, положение, количественные характеристики вообще, механическое движение, покой, длительность (Локк, 1960); *вторичные* качества, по Локку, — это субъективные ощущения, не совпадающие со свойствами внешних объектов самих по себе; к ним относятся цвет, звук,

³ Весьма нежелательно, конечно, оставлять анализ этих работ за бортом, но нет смысла и нырять за борт. Требуется место для полноценного анализа, одинаково внимательного к идеям каждого из названных авторов.

вкус, запах и т.д. Современная аналитическая философия приписывает *квалиа* особую функцию — противодействовать сведению ментального к физическому. Перед нами не просто красное или зеленое, громкое или тихое, горькое или кислое, но «красность» как таковая, «громкость» сама по себе, «кислотность» как особое ощущение от лимонной дольки во рту. «Квалиа» характеризует не только элементарные, но и сложные переживания: мучительность боли, «горечь» обиды, «сладость» наслаждения (этот ряд вслед за философами, пишущими о квалиа, каждый мог бы продолжить сам).

Полагаем, что тезис о существовании квалиа, при всем многообразии его трактовок, все еще недостаточно разработан. В классической работе Д. Деннета (1998) указаны четыре свойства, которые обычно приписываются квалиа:

- 1) они не могут быть переданы в сообщении и не могут быть постигнуты каким-либо другим образом, кроме прямого переживания;
- 2) они являются свойствами, не связанными с отношениями и не изменяемыми в зависимости от взаимосвязи переживания с другими объектами;
- 3) любые межперсональные сопоставления квалиа теоретически невозможны;
- 4) переживать квалиа — автоматически знать о том, что ты переживаешь квалиа, а знать квалиа, значит, переживать его.

Заметим, что пункт 2 в этом списке (инвариантность в контексте отношений и других переживаний) заметно сужает объем понятия квалиа. Указанные Люисом в качестве квалиа «сенсорные чувственные явления *любого рода*» (выделено мной, — В. П.) не могут рассматриваться как независимые «ни от чего» элементы ментальности. Кроме того, правомерно усомниться в том, что «переживать квалиа

автоматически означает знание о том, что ты переживаешь квалиа, а знать квалиа, значит, переживать его». Мы находим антитезис к такому пониманию в феномене «фигура-фон» (чередование в поле зрения видимых профиля и вазы). Разумеется, «фигура» — это всегда квалиа. Но можно ли отказать «фону» в статусе квалиа на том основании, что в данный момент его (фона) присутствие не выступает на уровне знания да и само *переживание* не рефлексивируется (не соотносится с «я»)? Однако в тот момент, когда фигура становится фоном, а фон фигурой, человек *не переживает* эти скачки-переходы как чередование полюсов «объективное» — «субъективное». Обе части рисунка *как целого* находятся в одной плоскости сознаваемого.

В развитии темы квалиа мы предлагаем также различать объекты первого и второго рода в сознании (по аналогии с макро- и микрообъектами в физике). Объекты первого рода не изменяются в сознании, будучи подвергнуты рефлексии (процедура исследования не влияет на объект исследования). Объекты второго рода в такие моменты подвергаются изменениям. Примером объектов первого рода может служить квалиа *красное*: дорефлексивное и рефлексивируемое *красное* ничего не меняет в самом качестве переживания. Пример объектов второго рода — переживание слитности субъекта созерцания и созерцаемого предмета (см. ниже рис. 3); другой пример — переживание в сознании эмоционально близких друг другу людей дорефлексивной общности «Я = Ты»; «прикосновение» рефлексии к этим переживанием моментально расщепляет их на два полюса (так в гносеологии появляется противоположность «субъект познания — объект познания», в этике — теория «разумного эгоизма»)⁴.

⁴ Извечная мука русского рефлексивирующего интеллигента: «Для кого я это (доброе) сделал?

Особый вопрос, является ли квалиа или комбинация квалиа необходимым критерием дифференциации психического и физического. Иными словами, существуют ли такие содержания психического, которые не могут быть поняты как квалиа (актуально или потенциально соотносимые с «воспринимающим “я”»? В другой формулировке это звучало бы так: существует ли что-нибудь *афизическое* (термин А. И. Миракяна), что являлось бы *психическим*, но не имеющим статус переживаемого и актуально известного? К этому вопросу у нас будет повод вернуться.

Термин «квалиа» используют также для того чтобы провести различие между содержательным аспектом ментального процесса (контентом) и субъективным переживанием процесса, «каково это испытывать процесс на себе» (Д. Б. Волков). Но «квалиа» — это не только известное. Это, как мы уже отметили раньше, ощущения (или нечто внутреннее, но потаенное), предположительно свойственные существам иной природы. В фантазии исследователей естественным образом рождается образ особых «сущностей», обладающих самостоятельной силой влияния на физические процессы, протекающие внутри индивида и выражающиеся в его поведении. При этом феноменальное превращается в материальное и таким образом решительно снимается с повестки дня проблема эпифеноменальности психики (т.е. «ненужности» субъективных явлений для регуляции поведения) — таков дерзкий аргумент «каузальных траекторий» современного российского философа В. В. Васильева. Отдавая должное оригинальности взгляда соотечественника, заметим, что Э. Гуссерль, основатель феноменологии, категорически возражал

против того, чтобы рассматривать *феномены* как «действующие причины»; есть также современные российские авторы, приводящие весомые аргументы против попыток интерпретировать воздейственность ментального на физическое аргументами «от квалиа» (Волков, 2008).

Супервентность. Еще одно «волшебное слово», призванное помочь нам справиться с трудной проблемой сознания, это «*супервентность*». В контексте нашего рассмотрения данный термин означает, в частности, отношение между физическим и психическим в виде особого типа следования второго за первым (англ. Supervenience — «действие, возникающее как следствие чего-то др.», «следование за чем-то», «дополнение прежнего чем-то новым». «Особый тип психофизической связи, когда психическое следует за физическим, сопрягается с ним, но не сводится к тем или иным свойствам мозга».

В статье «Ментальные события» (1970) Д. Дэвидсон, рассматривавший понятие «супервентность» как ключевое условия решения психофизической проблемы, писал: «Ментальные события в *некотором смысле* (курсив мой, — В. П.) зависимы или супервентны от физических характеристик. Под супервентностью я здесь подразумеваю невозможность существования двух событий, идентичных в физическом плане, но различающихся в ментальном, а также невозможность изменения ментальных характеристик без изменения физических» (Davidson, 2006, с. 214). Известно, что многие представители аналитической философии (Kim, Lewis, Чалмерс), опираясь на «супервентность», вслед за Дэвидсоном стали рассматривать отношение супервентности применительно к сознанию. Согласно Дэвидсону, хотя психические состояния вызваны физическими состояниями, их нельзя свести к физическим свойствам.

Известно, что к занимающей нас проблеме непосредственное отношение

Для себя? Как же так?» Разгадка состоит в том, что в момент самого деяния человек переживал общность себя и другого (для кого что-то делалось), но вопрос «для кого?» ее расщепил.

имеет одна из форм супервентности, а именно «локальная супервентность» (в то время как глобальная супервентность относится к миру в целом, локальная — к отдельным объектам, например, к мозгу, с его ментальными и физическими характеристиками). Применительно к мозгу это означало бы, что не может быть ментальных различий без соотносимых с ними физических различий индивидуумов.

Вопрос, который мы бы поставили в связи с этим адептам идеи супервентности, мог бы прозвучать так: Не является ли концепт «супервентности» в теоретическом плане супервентным в отношении концепта «психофизического параллелизма»?

Эмерджентность. В общепринятом понимании «эмерджентность» (от англ. *emergent* — возникающий, неожиданно появляющийся) означает наличие у какой-либо системы особых свойств, не присущих ее элементам; в существующих дефинициях особо подчеркивается несводимость свойств системы к сумме свойств ее компонентов, что представляет собой современное прочтение аристотелевского (или приписываемого Аристотелю) положения, согласно которому «целое больше, чем сумма его частей». В категории эмерджентности некоторые философы (Васильев, 2009) видят путь к разрешению психофизической проблемы. С этой точки зрения, ментальное есть системный эффект участия физических компонентов телесности индивида, не редуцируемый к ним. Что можно возразить против этого? Данное положение представляется безупречным; оно столь же неопровержимо, как и памятное определение психики в трудах редко упоминаемого сегодня философа, В. Ильина⁵ («психика» им опре-

делялась как *функция* высокоразвитой материи); то же понимание мы находим и в работах классика философской психологической мысли С. Л. Рубинштейна, предложившего упомянутый нами ранее принцип «психофизического единства»).

Острый вопрос, однако, состоит в том, как *мыслить* данный системный эффект (эту «функцию мозга»), — мыслить, не копируя при этом саму дефиницию эмерджентности. Иначе говоря, если мы принимаем аргумент эмерджентности, то правомерно спросить, что представляет собой она конкретно. Разумеется, отвечая на этот вопрос, нельзя ограничиваться ссылками на Дэвидсона, копируя его тезис о том, что психические состояния вызваны физическими состояниями, но не сводимы к ним (ведь весь вопрос — в чем состоит их несводимость), и в той же мере ответом не может служить идея «нередуцируемости» психического к «квалиа», ведь в этом случае мы бы пришли к тавтологии, описывая ментальность как несводимость к физическому, посредством того, что к физическому несводимо.

Некоторые предпосылки к ответу мы находим в голографических моделях психики (начиная с работ К. Прибрама) и в гипотезах о том, что основу психического (ментального) образуют квантово-механические явления. Отметим также пионерские работы нашего соотечественника, В. Н. Пушкина (Пушкин, 1980). Он высказал идею (и приводил тому даже экспериментальные подтверждения)

этого философа. По свидетельству профессора Льва Борисовича Ительсона (я слышал от него это еще в доперестроечные времена), одному из критиков данного автора принадлежат такие слова: «У господина В. Ильина метод обсуждения философских проблем — венерологический: главное поставить диагноз». Не ручаясь за точность цитирования и происхождение этих слов, но, судя по всему, они были сказаны некогда А. А. Богдановым, которого «господин В. Ильин», в свою очередь, пытался пригвоздить к позорному столбу «как махиста», а махистов — как солипсистов.

⁵ Старшему поколению не надо напоминать имя, точнее, еще один псевдоним автора хрестоматийного в советскую бытность сочине-

существования некоей «пси-волны», полагая, что информационные записи на уровне молекул и нейронов не являются еще образом и моделью объекта; образ возникает лишь после прохождения через эти записи стоячей пси-волны. К идее «стоячей волны» прибегаем и мы, однако подчеркивая, что пока это только метафора, и отбрасывая вводящий в тавтологию маркер «пси-».

Физическое, психическое, маргинальное (психофизическое). Признавая правдоподобность этих гипотез, подчеркнем, что, *затрагивая* связь физического и психического, они оставляют нетронутым вопрос о специфике психического по сравнению с физическим (отношение «связи» между этими явлениями остается нераскрытым). Договоримся в дальнейшем, говоря обобщенно о *физическом*, использовать греческую букву ϕ , а *психическое* обозначать буквой ψ (и таким образом, говорить о ϕ -элементах, ϕ -структурах, ϕ -образованиях, ϕ -процессах, а также — ψ -элементах, ψ -структурах, ψ -образованиях, ψ -процессах). Здесь же, не откладывая, обозначим гипотетические взаимопереходы физического и психического, то есть, собственно, психофизическое (*маргинальное*, — «промежуточное», «переходное», «нейтральное») греческой буквой γ . Бытие индивида в целом обозначим ω . Таким образом, область наших исследований может быть символически представлена отношением: $\omega = \phi \gamma \psi$.

Спрашивая, «в чем специфика психического?», мы должны ответить также и на смежный вопрос — о специфике физического. Последний из двух в терминах Дэниела Столяра мог бы прозвучать так: «В чем специфика *эталонных физических объектов*? Рассмотрим в качестве таких объектов частицу (корпускулу, вещь) и волну и попробуем определить признак, им одинаково свойственный. На наш взгляд, таким общим признаком является несовпадение локуса их возникновения

и возможных локусов их существования в среде (иначе говоря, сохраняясь в качестве *данной* частицы, *данной* волны, они пребывают в движении, — перемещаются, распространяются далее). Метафорически они способны, сохраняя себя, «выходить за...». Их характерный признак: пространство за пределы места своего порождения, *трансферентность корпускул и волн* в пространстве-времени при сохранении определяющих их свойств. Другими словами, ни корпускулы (и, соответственно, «вещи»), ни волны не изменяют своих свойств при их перемещении из пространственно-временной окрестности точки *a*, соответственно, в окрестность точки *b* (будем говорить «в район *a*» и «в район *b*»). Так, вещь, находившаяся (или возникшая) в районе *a*, может быть мысленно (и фактически) *извлечена* оттуда и *перенесена* в район *b* (перенос, «транспортировка» не изменят в данном случае физических свойств вещи). Также и волна, отмеченная в районе *a*, сохранит те же параметры в районе *b* (говоря о *распространении* волны, мы абстрагируемся от явлений рассеивания)⁶.

Здесь-то мы и находим искомое различие между ϕ и ψ : *психическое*, в отличие от *физического*, *нетрансферентно* (его невозможно извлечь, перенести, передать, распространить, послать в виде сигнала и т.п.). Иначе говоря, *локус возникновения*

⁶ В той же логике могло бы быть описано и физическое поле, но оно не является «эталонным физическим объектом» и вообще «не является физическим объектом»). Цитирую: «Физические поля — пространственные распределения специфических параметров физических сред. Относящиеся к таким распределениям физические величины и сами поля не есть самостоятельные физические объекты, но лишь специфические свойства физических сред — носителей этих свойств, представляющих собой либо физическую величину, характеризующую среду — носитель в данной точке, либо распределение физических величин в области существования среды — носителя, что и есть физическое поле» (см. Павлов, б.г.).

и *локус существования* психического совпадают, оно существует там и тогда, где и когда появилось, и таким образом не является ни корпускулой, ни волной.

«Ошибка смотрящего». Наблюдаемое и мыслимое. Полагаю, что *трудность* рассматриваемой «трудной проблемы сознания» состоит, прежде всего, в том, что, действительно, весьма непросто, а точнее, совершенно невозможно вообразить переход от одних чувственных свойств мира, «элементов опыта», к другим чувственным элементам; например, вес, шестиугольность или красность, как бы мы не пытались трансформировать их в боль, кислотность или переживание радости, никогда в нашем сознании не смогут учинить (мы бы сказали, учудить) ничего подобного. Опыт переживаемой беспомощности в попытках алхимически свести вместе чувственные (представляемые, наблюдаемые) элементы разной природы и получить при этом какой-то другой чувственный элемент мы называем «ошибкой смотрящего». Вскрывая эту ошибку, мы обретаем шанс продвинуться к разрешению вековой проблемы.

Принимаем четыре интуитивно приемлемые допущения, связанные с различением *чувственного (наблюдаемого) и сверхчувственного (мыслимого)*:

- «*физическое*», как таковое, *per se*, есть *сверхчувственное*. В этом случае мы говорим о физическом в его мыслимой «чистоте», имея в виду такие сущности как волна или частица, не отождествляя их с соответствующими культурными знаками, «следами», показателями каких-либо датчиков и т.п. Здесь требуется пояснение: «физическое» не покрывает собой всего сверхчувственного: геометрическая точка на плоскости («окружность нулевого радиуса»), контур шара (сколько не поворачивай шар, остается на месте) или световое пят-

но на удаленном экране (способно перемещаться со скоростью, превышающей скорость света) — все это, строго говоря, не есть физическое;

- «*психическое*», как таковое, есть *чувственное* (хотя не все, что относится к категории чувственного, есть психическое *per se*, то есть квалиа; к примеру, самолет, баобаб, айфон или «эскимо» — все это чувственное, но не психическое);
- чувственное, любой чувственный элемент опыта, есть результат слияния (композиции, взаимодействия) сверхчувственных элементов:

$$\psi = \varphi_1 * \varphi_2 * \varphi_3 * \dots$$
- чувственное не является источником сверхчувственного (например, волн или частиц): вес, боль, фиолетовый цвет, «подъем душевных сил» не порождают частиц или волн; чувственное остается там, где оно есть, не распространяясь за пределы этого места; это относится, в частности, к ощущениям и соощениям:

$$\psi_1 * \psi_2 * \psi_3 * \dots \neq \varphi.$$

Итак, можно понять и принять, что имеющиеся у нас представления о частицах и волнах, их *чувственные образы*, — это не сами по себе частицы и волны, *мыслимые* нами. Последние суть *сверхчувственные* образования. Аналоги напрашиваются. Так, геометрическая точка («шар нулевого радиуса») или окружность («геометрическое место точек на плоскости, равноудаленных от одной») мыслимы, но, как таковые, невидимы. Чувственное — результат встречи сверхчувственных элементов. При этой встрече рождаются *образы* сверхчувственного, своего рода одеяния, прикрывающие их бытие *per se*. Мыслимое, оно всегда в одеянии чувственных образов, и любые настойчивые попытки разглядеть их под покровом чувственности — навязчивый гносеологический вуайеризм! — совершенно

Рис. 1. В результате сочетания поступающей извне «средовой» волны и принимающей «индивидуальной» волны, рождается нечто (красное), не способное излучать или перемещаться. То, что возникло, остается там, где возникло. Это — «как бы физическое», но не физическое, — форма, «наполненная» чувственным содержанием

несостоятельны⁷. Сами по себе физические элементы *мыслимы* в качестве перемещающихся или распространяющихся в пространстве-времени, в отличие от чувственных форм, в которых они представлены (они как бы сбрасывают с себя эти формы на ходу, пока мы пытаемся разглядеть их). Аналог физических *явлений* — знак как единство означающего и означаемого: «физическое явление» — это *явление* (знак) *физического* (значение).

Итак, мы подчеркиваем разницу между чувственным (наблюдаемым) и сверхчувственным (мыслимым). Разница заключается в том, что сверхчувственное *порождает* чувственное, но обратное *категорически* неверно: чувственность не есть частица и не состоит из частиц, она не является волной или «пакетом волн».

Следовательно, немыслимо, чтобы чувственные формы физических элементов существовали независимо от индивидов, порождающих их сверхчувственное бытие. Они всегда имеют своей опорой тело индивида (его мозг⁸) — они не «висят в воздухе» рядом с безучастной к ним живой плотью.

⁷ Мой коллега, И. М. Шмелев, прочитав рукопись, предложил, как мне кажется, более точные слова: не «под покровами чувственности» (с навязчивыми попытками разглядеть что-то под ними), а «*под вуалью*»: там всегда угадывается «что-то», но ясно и отчетливо — не разглядеть.

⁸ В античные времена органом души считали сердце — наивный взгляд! Но времена меняются, и предугадать мнение по данному поводу ученых XXX века вряд ли возможно.

Но это не означает, конечно, что психическое не причастно физическому. Ключевым фактором порождения психического можно считать *композицию* физических явлений, например, волн, порождаемых мозгом, и волн, поступающих извне⁹. Полагаем, что возникновение психического образа, переживания, интенции и т.п., обязано композиции, как минимум, двух волн, одна из которых определяется процессами, протекающими в теле индивидуума — мы называем ее «принимающей волной» — а другая, мы называем ее «поступающей волной», имеет своим источником объекты окружения (см. рис. 1) или другую часть тела, как бывает, например, при боли.¹⁰

⁹ Этот взгляд было бы интересно развить в связи с глубокой концепцией М. Б. Менского об эвереттовых мирах сознания (Менский, 2005). Среди психологов, продуктивно разрабатывающих проблему сознания концепцию Менского активно поддерживает В. Ф. Петренко (2010). «При описании квантовых измерений, — отмечает М. Б. Менский, — приходится вводить в это описание не только измеряемую систему и прибор, но и наблюдателя, точнее, его сознание, в котором фиксируется результат измерения» (Менский, 2005, с. 414). Это положение представляется нам безупречным и в эвристическом отношении продуктивным. Остается выяснить, однако, что представляет собой сознание (говорю совершенно без иронии: какая уж тут может быть ирония, — в разрешении «трудной проблемы сознания» ?!).

¹⁰ Вопрос к физикам, как обозначить такую гипотетическую композицию физических явлений, например, волн, которая бы могла порождать невидимые извне *квалиа* (самим психологам, на взгляд автора, не следует торопиться

На рис. 2 линии, идущие слева направо вверх, символизируют потоки ϕ -элементов (в нашем примере мы говорим о волнах, хотя это могут быть и частицы), исходящие из внешнего источника («поступающая волна»), а линии, идущие справа и вверх — ϕ -элементы, исходящие из внутреннего источника («принимающая волна»). Образуются точки пересечения и геометрические фигуры: трехточие, двуточие, четырехточие, шеститочие; они, в свою очередь, образуют более сложные конфигурации, обведенные эллипсами. Конфигурации перед нами суть «системный эффект» встречи линий, символизирующих «принимающие» и «исходящие» ϕ -элементы. Будем считать, что именно в точках пересечения (наложения) ϕ -элементов образуются ψ -элементы и ψ -структуры, являющие собой качественно новые образования.

В чем состоит это новое качество? Оставим на время пример с линиями. Если говорить о встрече ϕ -элементов, то возникающее при этом новое качество состоит, во-первых, в том, что оно лишено свойства распространяться далее (в этом смысле оно *афизично*, приборами «невидимо», о чем было сказано ранее), и, во-вторых, поскольку мыслится нами как *сущее*, оно, в противоположность физическому, являет собой чувственное. Ну, в самом деле, если они невидимы, но существуют, то где и как? Ответ приведен: в ментальной сфере, в качестве ощущений и соощущений, — квалиа.

Психические содержания существуют всегда в «единственном экземпляре», оставаясь там, где возникли, — «здесь и теперь». Если они и «перемещаются», так только вместе с порождающими их физическими условиями, подобно тому как свежесть перемещается вместе с ветром, то есть они изменяют свое местоположе-

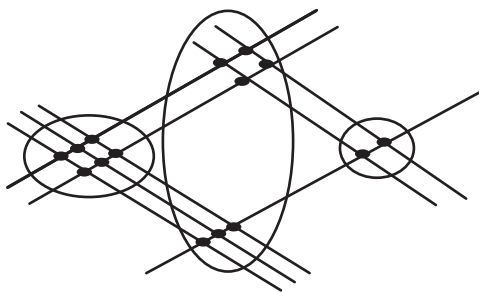

Рис. 2. В точках наложения ϕ -элементов образуются ψ -элементы

ние в пространстве-времени тогда и только тогда, когда изменения затрагивают порождающие их физические причины. И в этом смысле психические процессы и содержания «супервентны», а в более привычных для нас терминах *неотчуждаемы* от соответствующих телесных процессов (см. статью В. А. Петровского и М. Г. Ярошевского «Психика» (Петровский, Ярошевский, 2005)).

В этом контексте рассуждений появляется возможность по-новому взглянуть на проблему эпифеноменальности психики. Это, как известно, одна из ипостасей психофизической проблемы, определяемая вопросом «зачем нужно психика, если все может быть объяснимо с позиций физикализма?» (настоящая мука для всей философской мысли на протяжении трех столетий, начиная с Ламетри, и особенно после биолога Гексли, уподобившего психическое паровозному свистку, никак не влияющему на движение паровоза). Полагаем, что в самом термине «квалиа» есть намек на решение, впрочем, с подзаказки Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Ведь этимологически «квалиа» (от лат. *qualia* (мн. ч.) — свойства, качества) включает в себе идею *границы*. Эксплицируя содержание категории «качество», Гегель вводит понятие «определенности»; контекстуально, «определенность», если вчитаться, может быть осмыслена как *опредéленность*, то есть характеризуется

с поиском названий — это прерогатива представителей других специальностей).

наличием предела, *границы*, отделяющей одно от другого. Было бы заблуждением полагать, что ощущения-квалиа бывают «точечными». Они всегда «заполняют» области субъективного опыта, а значит, включают в себе **границу**. Так, красное — это *не* зеленое, *не* синее, *не* желтое; и вместе с тем красное — *не* острое, *не* вкусное, *не* тяжелое, *не* болезненное; кроме того, красное-*сейчас* отделено от красного-*вчера* каким-нибудь зеленым-*между*. В нашем сознании длительность и пространственность неразлучны¹¹. Усилим тезис,

¹¹ Согласно Анри Бергсону, математическая пространственная метафора времени (пространственная ось) неадекватна реальному переживанию времени — «длительности». Познание чистой «длительности» доступно лишь интуиции, понимаемой как непосредственное постижение. «*Реальная длительность* есть то, что всегда называли *время*, но *время*, воспринимаемое как неделимое. Что *время* предполагает последовательность, я этого не оспариваю. Но чтобы последовательность представлялась нашему сознанию, прежде всего как различие между рядоположенными “прежде” и “потом”, с этим я не могу согласиться... В пространстве, и только в пространстве, существует отчетливое различие частей, внешних друг другу» (Бергсон, т. 1, 1913, с. 31–32). «Чистая длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше “я” просто живет, когда оно не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали; для этого оно не должно всецело погружаться в испытываемое ощущение или идею, ибо тогда оно перестало бы длиться. Но оно также не должно забывать предшествовавших состояний: достаточно, чтобы, вспоминая эти состояния, оно не помешало их рядом с наличным состоянием наподобие точек в пространстве, но организовывало бы их так, как бывает тогда, когда мы вспоминаем ноты какой-нибудь мелодии, как бы слившиеся вместе» (Бергсон, 1992, с. 93). Длительность всегда существует как единство прошлого и будущего, прошлое всегда существует в настоящем, настоящее существует как воспоминание о прошлом. А. Бергсон сравнивает длительность со снежным комом, скатывающимся вниз с горы: разрастаясь, он сохраняет в себе первоначальное состояние; длительность, сберегая в себе настоящее и прошлое, вбирает в себя будущее. «Реальная длительность состоит из моментов, внутренних по отношению друг к другу»; «когда она принимает форму однородного целого, она

«соберем» мысленно ощущения в отдельные «психические состояния», образуем из них *паттерны* ощущений, — невидимые извне внутренние голограммы. И если нам удастся это мысленное собирательство, то мы будем готовы признать, что ощущения способны к образованию *форм*. В этих условиях границы и задаваемые ими формы сочетания ощущений приобретают в наших глазах искомую функцию. Мы можем рассматривать их (формы) как нечто, способное **направлять (структурировать)** поведение, — конфигурировать потоки активности. Ибо форма здесь включает в себе пространственные определения, структуру. Такая структура способна опосредствовать активность, сказываясь на ее протекании.

При этом психику в целом, метафизически можно представлять себе по-разному: как территорию (ландшафт), орнамент, карту местности. В первой интерпретации это естественное (природное) образование, во второй — искусственное (созданное социумом и самым индивидом), в третьем — искусственно-естественное. В любом случае это множество соприкасающихся граней абстрактного многогранника¹². Каждая грань — квалиа. Предполагается, что грани обладают различной степенью проницаемости для энергетических потоков (поступающих и принимающих волн), а в местах их соприкосновения, на самих границах, возможна абсолютная прозрачность — образуется множество контуров, сквозь которые свободно проходит лучистая энергия, продуцируемая телом индивида. Подчеркиваем, что сказанное о проницаемости граней представляет собой *гипотезу*, и таким образом, правомерен вопрос, обращенный, прежде всего к физикам:

уже выражается в пространстве» (Бергсон, т. 2, 1914, с. 167).

¹² В отличие от традиционных многогранников, углы, длины ребер, выпуклости не имеют значения для абстрактных многогранников.

может ли нечто, не являющееся излучателем, *экранировать*, хотя бы отчасти, прохождение лучистой энергии?

Если это действительно так, то в общем случае психика способна обнаруживать себя в качестве причины-формы, а также, как мы увидим далее, причины-цели (не являясь, по Аристотелю, действующей или материальной причиной)¹³. Получается, что, хотя в психическом нет «ни грана вещества» (в терминах Аристотеля), ни кванта энергии (разделяем точку зрения Гуссерля, что психическое не энергично), сказанного достаточно для критики взгляда на психику как на некий эпифеномен, обесценивающий ее значение в организации поведения.

Критика «эпифеноменализма» возможна и с другой точки зрения. Когда мы видим в психике, субъективном, исключительно регуляторную функцию (многие из нас вслед за С. Л. Рубинштейном, а тот вслед за В. И. Лениным — рассматривают психику как *функцию* мозга), то это лишь полуправда. Субъективное (феномены, квалиа) не только обслуживает жизнь, организуя ее протекание. Оно представляет собой ежечасно «всему делу венец», внутреннюю цель устремлений¹⁴. В связи с этим заметим (и нам представляется

это очень существенным, если иметь в виду критику эпифеноменализма), что индивидуальному телу **«ничего не нужно»**; оно является всего навсего *инструментом* (или *машиной*) нужды, *обслуживая* целевые ощущения, и притом обратное неверно (ибо у тела, как такового, нет никаких интересов). Изначально индивид, как психофизическая целостность, устремлен к получению определенных ощущений и переживаний, и только в развитии, возможно, они принимают на себя функцию опосредования его жизненных отправлений. Иначе говоря, в эволюционных процессах филогенеза, онтогенеза, персоногенеза (термин А. Г. Асмолова), субъектогенеза (термин А. С. Огнева) имеет место принцип *выживания для переживаний*, продуцируемых организмами, а не только *переживания для выживания* организмов. Полагать, что физические тела, как таковые, могут в чем-то нуждаться, совершенно нелепо.

Словом, допустима альтернативная к традиционной точка зрения на эволюционный процесс. Традиционная состоит в том, что живые существа в борьбе за существование, свое физическое присутствие на земле, совершенствуются; спонтанные мутации отбираются средой; перед нами прогресс, все большее совершенствование телесной организации живых существ, физических тел (вопрос «зачем?» при этом не имеет смысла, физические тела существуют «почему-то», «в силу чего-то», а не «ради чего-то» или «зачем-то»). Другой взгляд на эволюцию: это естественный отбор таких свойств живых тел, которые позволяют им ощущать, переживать, мыслить, — наслаждаться своим бытием в мире¹⁵.

¹³ Г. Г. Шпет (Шпет, 2010, с. 117–118), с опорой на Э. Гуссерля, остро критиковал своего современника В. В. Зеньковского, позиционирующего себя (говоря сегодняшним языком) как последователя применения феноменологического метода применительно к проблеме «психической причинности». Шпет цитирует Гуссерля (вчитаемся!): «Что касается... вопроса об *актах* (Зеньковский понимает их как “работу”, “энергию”, — В. П.), то здесь, натурально, не позволяется уже думать о первоначальном смысле слова *actus*, *мысль о действовании должна оставаться безусловно исключенной*».

¹⁴ Х. Хекхаузен (Хекхаузен, 1986), будто в насмешку над бихевиоризмом, описывает мотивы как «желаемое целевое состояние» (с. 34), впрочем оговаривая, что «мотивы» — это «условные, облегчающие понимание, вспомогательные конструкции нашего мышления. Или, говоря языком эмпиризма, гипотетические конструкции» (с. 37).

¹⁵ Мы говорим здесь об эволюции живой природы и далеки от мысли всю Вселенную рассматривать в эволюционном плане как «движущуюся» в направлении субъективного. Но заметим, что когда кто-либо из нас говорит, что он «далек» от некоей мысли, то это значит, что

Такая трактовка психики, субъективного, не должна быть понята как очередная версия телеологической интерпретации жизни в духе «постулата общности» («адаптивности») поведения и сознания индивидов, их устремленности к заранее известному целевому состоянию. Субъективное — по своему качеству — вечно новое; узоры психического, как в калейдоскопе, меняются; в каждый момент времени они своеобразны; трудно помыслить их заранее «записанными» в физике тела и тем самым как бы «из прошлого» — в первоначальной форме — переходящими в будущее. Поэтому субъективное, как внутренняя цель (энтелехия) поведения и развития живых существ, не может быть понята как некое *предустановленное* состояние или отношение. Оно включает в себе избыток — как по отношению к прошлому, так и к возможному будущему.

Таким образом, тело инструментально; душа (ψυχή) самоценна. Организм есть машина, *поставляющая* ощущения и *опирающаяся* на них в своем функционировании. Как же это происходит? И какова перспектива динамики?

Предположительно, это происходит так. Сначала в результате телесных контактов индивида со своим окружением в его психике спонтанно появляются ощущения, имеющие определенный гедонистический тон («приятное» — «неприятное»). Далее в психике фиксируется маршрут, приводящий к таким ощущениям. Поскольку переживание *конфигурировано*, т.е. имеет *форму*, возможно управление поведением, ведущим к позитивному результату (действительно, там, где возможно говорить об управлении со стороны субъективного, мы всегда находим

следы наслаждения и страдания, вкрапление опыта притягательных и отталкивающих переживаний). При автоматизации поведения существующие в психике переживания, имевшие гедонистический знак, становятся необязательными и покидают субъективную сферу.

Еще, если искать эволюционный смысл, исключающий идею эпифеноменальности психики, то это не только «избыточность» ее содержаний относительно производимых движений, не только системные качества одних переживаний на фоне других (например, особенностей переживания боли в обрамлении разных переживаний), но это еще и сама «невидимость» психических состояний (их неслышимость, беззапахость и т.п.). Не только мысли, но и ощущения, к счастью, не пахнут, что обеспечивает тайность наводок, секретность вынашиваемых индивидом планов, защищенность других от него и его — от других. Состояния психики «самостны»: они присущи именно *мне* (не-передаваемы — буквально, не-заразительны — буквально).

В этом контексте проясняется эволюционный смысл психики-невидимки. Кажется разумным считать, что, располагая такой способностью, индивиды приобретают дополнительные возможности достигать желаемого, чувствуя свою защищенность. Это дает им особые конкурентные преимущества во взаимоотношениях с миром. Цели, планы, эмоции индивидуума — все это согладаясь недоступно. Психика-невидимка скрывает от чужих глаз то, что должно быть действительно невидимым.

Кроме того, «невидимость» (нетрансферентность) представляет собой, как уже было отмечено, ценность для других индивидуумов. Продолжим рассуждать в телеологических терминах, задаваясь вопросом «зачем?», «ради чего?». «Зачем» другому ощущать *мою* боль? К счастью для всех остальных, *моя* боль, как

именно такая мысль приходит ему в голову. Итак, я говорю читателю прямо: я «далек от мысли», что когда-нибудь будет написана «новая история универсума», «новая космогоническая теория» по имени *Наслаждающаяся Вселенная*.

уже было сказано, *не-заразительна*, — она *должна быть* неощутима другими. Поэтому эволюция как бы пресекала появление каких-либо физических волн или «струн», которые бы стали переносить боль от одних индивидуумов к другим. И точно так же, по-счастью, «*не-передаваемо*» переживание смерти (таков встроенный в нас эволюцией механизм защиты).

Но если нельзя извлечь, подсмотреть, сфотографировать субъективные явления, то кто является их «носителем»? Есть два ответа на этот вопрос. Один из них сводится к предположению о том, что существует некий субстрат, «подкладка» под ними или, как говорили старые авторы, «седалище души». Это может быть озвучено еще так: *с одной стороны* — материальный субстрат (например, мозг), *а с другой стороны* — феномены сознания и т.п. Но если принять это, то мы вернемся к идее воспроизводимости этого «нечто», что противоречит нашей исходной гипотезе (нетрансферентности).

Другой ответ звучит непривычно, но именно его мы придерживаемся: отыскиваемого нами субстрата (подкладки, «седалища души») просто не существует, хотя, конечно, существуют физические события, обуславливающие появление психических феноменов. И в этом случае наше решение состоит в том, что композиция физических явлений, причастных к порождению квалиа, — это и есть, собственно, квалиа. Иными словами, красное, боль, запах, звук, *как тако-вые*, — свои же носители; и таким образом любые попытки представить себе их «субстрат» должны приводить нас к ним же самим. При этом, конечно, подчеркивается, что квалиа *обусловлены* физическими «переменными»; но «быть обусловленным» и «быть стороной» чего-то суть разные вещи.

Но здесь же и другой несправедливый вопрос. Если психическое не может «перенестись» за пределы того места, где воз-

никает, то *кто* видит то, что мы видим? *Кто* является субъектом созерцания, переживания, действия? Казалось бы, ответ напрашивается. «Наши *восприятия, мысли, чувства*, наши *стремления, намерения, желания* и т.п.» — все это «в качестве переживания как будто непосредственно нам дано»... «*Принадлежность индивиду, их испытывающему, субъекту — первая характерная особенность всего психического* ... Переживания, мысли, чувства субъекта — это *его* мысли, *его* чувства; это *его* переживания — кусок его собственной жизни, в плоти и крови его», — пишет С. Л. Рубинштейн в первых строках «Основ общей психологии» (курсив С. Л. Рубинштейна) (Рубинштейн, 1946, с. 5). Можно ли понять эти слова классика иначе, чем признание того, что существует внутренний наблюдатель («я»), которому «как будто непосредственно дано» воспринимать, мыслить, желать и т.п. Думаю, С. Л. Рубинштейн неслучайно проявляет известную осторожность, не говоря прямо о внутреннем субъекте, а предпочитает образное высказывание о «куске его (индивида) внутренней жизни, в плоти и крови его». Но при этом остается рискованный тезис «*данности нам*» как условия отчетливого и ясного очерчивания «специфического круга явлений, изучаемого психологией», то есть психики. В чем риск?

Если психические содержания всегда даны *мне* как телесному индивиду или субъекту как уникальному «я», то подобное понимание, при всей его, казалось бы очевидности и естественности, возвращает нас к старой юмовской идее гомункула-са, — каскада бесконечных «человечков» в «человечках», где каждый последующий воспроизводит в себе то, что было представлено в сознании его предшественника (см. подробнее: Петровский, 2012). И таким образом вопрос о субъекте, который имеет дело с содержаниями психики, сохраняется. Каков же возможный ответ?

На вопрос *кто?* мы отвечаем: *никто!* (или не столь категорично отвечаем: «*Возможно, никто*», — что объяснится позже). Иначе говоря, наличие психических содержаний не обязательно означает присутствие наблюдателя, то есть не обязательно существует тот, кому психические содержания *даны* (тот, кто видит, слышит, испытывает, полагает, стремится etc.). И это кажется парадоксом: психические содержания *есть*, они существуют, но могут быть *мною* не видимы, *мне* не даны.

Эти сомнения (в необходимости «внутреннего наблюдателя» для очерчивания круга психических явлений) появляются сразу, если задуматься над происхождением «я». Для нас очевидно, что самосознание ребенка (его «я») есть плод развития его сознания. Ощущения ребенка *уже* существуют, а его ощущающего «я» *еще* нет. «Я» есть сложное соощущение ощущений и является относительно поздним произведением онтогенеза. Психологам хорошо известны аргументы в пользу этого тезиса — в широком диапазоне теорий, от «культурно-исторической психологии» до «психоанализа» во всех его разновидностях. Остается только сделать радикальный вывод: «*Нельзя* очертить круг психических явлений, опираясь на конструкт их «данности» индивиду, будь то индивид «во плоти» или, может быть, «внутренний наблюдатель». Другими словами, психические содержания для своего существования не нуждаются в существовании «я».

С другой стороны, наше «я» не есть то, что (заимствуя слова Рубинштейна) *как будто непосредственно* оперирует с психическими содержаниями. «Соощущение ощущений» («я») само по себе не может быть «ощущающим», «представляющим», «стремящимся», «действующим».

Во взаимоотношениях с другими психическими содержаниями «я» выглядит несколько иначе, чем принято думать. Прояснить психологический статус «я»

поможет метафора. Представим себе картинную галерею перед самым ее закрытием. В одном из залов никого нет, кроме вас, единственного зрителя. В зале картины одного художника и среди них его автопортрет (это одна из картин в галерее). Автопортретов таких несколько. На одном из них — этот художник, рисующий себя (можно добавить — рисующий себя рисующим себя). На другом — он же в зеркале и его модель. Он смотрит в зеркало, и вы видите его напряженный взгляд. Есть портреты других людей. Вот тот же художник, рисующий женщину, и в данный момент она смотрит в вашу сторону. Вам кажется, что некоторые из людей на портретах смотрят на вас, единственного оставшегося в зале посетителя. Голос гида в наушниках рассказывает о жизни художника, о жанре его творчества, о том, кто был его моделями, о технике письма и т.п. Все это в поле вашего восприятия. Но вам прекрасно известно, что в данный момент никто никого не видит. И «гид» — это старая запись. Безумцы, дети и некоторые собраты-философы могли бы поверить в то, что «взгляды» и «действия» на картине происходят сейчас, наяву — «художник держит кисть», «видит себя в зеркале», «вглядывается в модель» и т.д. Но все это существует иначе, чем выглядит. Это — *портрет* художника (а не сам художник), *изображение* того, как он воспринимает себя (а не сам процесс восприятия). Галерея пуста. Есть только изображения.

Та же иллюзия присутствия воспринимающего и действующего «я» существует и в поле психических феноменов. «Художником», изобразившим наше «я» и начертавшим «автопортрет» *персонально* является культура, инкорпорирующая наши восприятия и чувствования. «Я» — это оттиск культуры в материале переживаний индивида. Восприятие («Я вижу что-то»), — прежде всего, артефакт, культурный фантом. Никто ничего не видит. Картинки есть, зрителей нет. Картинка

при этом включает в себя некое изображение «наблюдателя» и условные траектории «наблюдения», проведенные из точки «я» («наблюдатель») к объекту. Но никто здесь ничего не наблюдает. «Петя видит Машу» — это значит: живое тело, именуемое «Петя», порождает картинку, включающую в себя три элемента: «Маша», «Петя» и «видит». Ни один из этих элементов не может «видеть» другой элемент, и также *тело* Пети ничего не видит, но просто производит эту картинку.

Увы, мы не знаем, *где* именно пребывает сейчас эта картинка — находится ли она в голове Пети, в его пылком сердце (так решили бы античные авторы, считавшие сердце органом души), снаружи или, может быть, в каком-то другом измерении (в принципе, допустимо представить «картину» «парящей рядом» с головой Пети, но отнюдь не факт, что здесь уместны какие-либо трехмерные образы). Эта сложная и комментированная внутренним «гидом» визуальная модель, включающая в себя «Петю», «Машу», «взгляд Пети на Машу», — просто существует, и, как таковая, может структурировать поведение Пети в его взаимоотношениях с Машей; но только эта модель безадресна, она никому не дана в созерцании, ни Пете, ни, тем более, Маше

(хотя их физические тела могут продуцировать эти и подобные им «картинки»); и слово «гид», персонифицирующее источник речи, имеет в данном случае исключительно условный характер. Визуальные, речевые, кинестетические изображения-модели гомункулусов существуют, «они есть», но только нет самих гомункулусов (по крайней мере, нет в первом приближении, но к этому вопросу мы еще вернемся). Иллюстрацией сказанному может служить рисунок Э. Маха (рис. 3) и комментарий выдающегося исследователя когнитивного развития ребенка Т. Баура (в работах самого Бауэра мы не находим упоминаний о Махе).

В заключении этой части работы обсудим, мы бы сказали, шокирующее следствие из сказанного. Положим, я представляю сейчас человека, читающего этот текст (а читатель представляет меня, автора). В этот момент представления друг о друге невидимы: я не вижу того, что представляет читатель, а читатель не видит «себя», находящегося перед моими глазами. Пока еще в этой ситуации ничего парадоксального нет, любой бы аналитический философ сказал бы, должно быть: «Ну и что, квали есть квали!..» Но напомним, не только представляемый или видимый мною другой человек, не воспри-

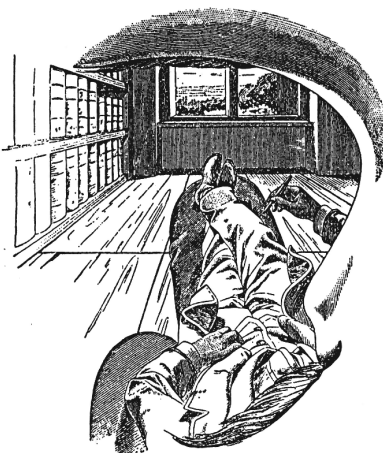

Рис. 3. Фрагмент «я» (рисунок из книги Э. Маха (1908, с. 37). Приглядевшись, читатель может заметить кусочек физического «я», который ничем не похож на какого-либо «внутреннего созерцателя». «Психологи склонны думать о «я» либо как о бессмысленной абстракции, либо как о сложной проблеме, требующей глубокого размышления. Сведение «я» к зрительной проекции носа на сетчатку (именно краешек носа позволяет наблюдателю видеть себя в движении; примечание мое, — В. П.) обычно вызывает радостное оживление и насмешки слушателей» (Бауэр, 1979, с. 75).

нимается мною, «моим я»; образ этого человека существует независимо от моего «я», существование образа — функция (порождение) моего тела, как, впрочем, и то, что «мое я» — чувственный эффект синтеза явлений физического порядка, актуально присутствующих в моем теле. Но в этом случае правомерно поставить острый вопрос: что произойдет с образом другого человека, если в ментальном плане отсутствует построение «я» (в виде «я есмь»)? Представление чего-либо есть, но теперь-то уж точно некому сказать об этом «я вижу», «я представляю». О каких же «данностях» в этом случаях может идти речь, если некому признать, что они даны кому-либо? Если не просто признать существование вещей, существующих во внешнем мире, не представляя при этом себя в качестве наблюдателя (что, с точки зрения Дж. Беркли, вообще невозможно (Беркли, 1978)), то тем более трудно признать это применительно к объектам, существующим во внутреннем плане, да и само понятие «внутреннего», в котором присутствовали бы такие объекты, не созерцаемые во всех отношениях, оказывается под ударом.

Наш ответ: то, **что** в такие моменты рождается (будь то образ моего читателя или статьи, которую он будет читать, если ему хватит сил и энтузиазма), оно существует как «часть» психического, но пребывает за порогом осознанности, ибо последняя означает не что иное, как *соотнесенность с «я»*. Чтобы уточнить форму существования не видимого никем содержания, остается определить разницу между понятием «предсознательное» и «бессознательное» в топографической модели Фрейда или других моделях обустройства психики, предложенные в разные годы представителями разных психологических школ. Вполне реально, например, допустить, что в данный момент времени мозг порождает множество образов, некоторые из которых уже «на подхо-

де» к проникновению в сознание, то есть потенциально могли бы вступить в отношение видимости (быть встроенными в феноменологическую цепочку «я» — «вижу» — «объект»); и в этом случае, говорим мы, они предсознательны. Однако их присутствие может оставаться неопознанным бессрочно, хотя они существуют и их присутствие проявляется в структурировании поведения и модификации «видимых» объектов психики (соощущения ощущений, комбинаций квалиа); и в этом случае мы говорим об этих объектах, что они бессознательны.

Но является ли вообще существование «я» условием существования феноменов психики? Отрицательный ответ на этот вопрос отчасти уже был представлен нами: очевидно, что в процессе исторического развития психики такие содержания появляются раньше, чем «я» (примером может служить психика животных, психика младенца¹⁶). Предположим, однако, что, начиная с какого-то момента жизни индивидуума, присутствие его «я» становится неотторжимо от других его переживаний и представлений, аффектов и мыслей, устремлений и отношений (производимых его телом). Вначале такое предположение кажется нам вполне приемлемым («мыслью, следовательно существую», «от боли нет спасения», «от себя не уйдешь», наслаждаясь, я ощущаю, что это «я наслаждаюсь»). Но если наше «я» неотчуждаемо от того, что мы испытываем, и если, умирая, мы испытываем страдание, то получается, что мы будем жить вечно и при этом страдать вечно, так как умирающий не может констатировать свою собственную смерть. Нужно, как это ни прискорбно, умереть, чтобы оказаться «по ту сторону боли», но невозможно умереть и заметить это (не остается того, кто заметит). С этой точки зрения, противоположная логика — и достовернее,

¹⁶ См. О. Фенихель (2015).

и милостивее: наше «я» уходит раньше, чем прекращается боль; боль остается, еще есть то, что ее производит (уже не *кто*, а *что* — тело), но нет того, кто ее испытывает (ассоциированное с болью «я»).

И, наконец, самый последний вопрос в данной части исследования — о «философском зомби» — гипотетическом существе, неотличимом от обычного человека за исключением того, что у него отсутствует квалиа, способность ощущать. «Зомби» ведет себя так, как если бы что-то чувствовал, хотя переживания, как таковые, ему совершенно неведомы. Сюжет, эксплуатируемый нещадно в фантастической литературе и вполне уместный в сочинениях этого жанра, в философском плане, на наш взгляд, сущий абсурд. Такая оценка вытекает из концепции психики как формообразующей и целевой причины активности. Это значит, что физические взаимодействия, как было отмечено, порождают психические феномены (свойство «эмерджентности» психики), те, в свою очередь, представляя собой конфигурации ощущений, определяемые границами между ощущениями, опосредуют связь между физическим телом индивида и окружающей средой, являясь формообразующим началом его поведения («формальной» и «целевой причинами», по Аристотелю). Таким образом, предположение, что философский зомби будет действовать как человеческий индивид, не обладая аналогом психики человека, представляет собой нелепость, — противоречие в самой посылке.

Самоподтверждающиеся образы «я». Наше «я», лишенное (на время) статуса действительного субъекта психической жизни и поведения (восприятия, мышления, переживания, воли и т.п.) и представленное всего-лишь в виде «картинки», «фантома», «фрагмента» некоего орнамента, собранного из квалиа, в известных обстоятельствах способно отстаивать свой бытийный статус. Все зависит

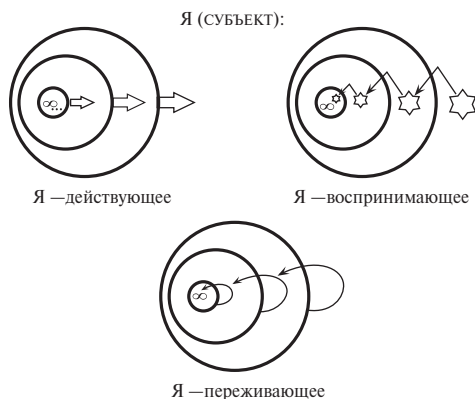

Рис. 4. «Рисунки-ловушки» «я» (кружочки) в виде вереницы гомункулусов, уводящих мысль в дурную бесконечность субъекта действия, субъекта восприятия, субъекта переживания (Петровский, 2010а)

от содержания и формы построения «я». Здесь место принципу «каждому по его вере». Если это — образ свободного, деятельного, всепобеждающего (в том числе и побеждающего иллюзии) «я», то оно не безучастно событиям жизни. Парадокс состоит в том, что «я», при любом способе его построения и внутреннего обустройства, *зависимо*; оно *обусловлено* процессами физического порядка, социокультурными переменными и опытом собственного бытия индивида в среде. Но оно же, как особая психическая структура, опосредует события жизненного ряда. И поэтому *мысль* о свободе, *переживание* себя свободным существом, *образ* свободного действия, *слово* «свободен», сказанное про себя (про *себя!*), — все это не безучастно реально происходящим событиям.

Психология располагает моделями «я», позволяющими описывать содержание и формы самосознания индивида, опосредующие его (индивида) жизненные проявления. Есть среди них модели, в логическом отношении тупиковые, хотя и являющие собой «подарок» для невротического сознания, склонного заикаться в актах саморефлексии (рис. 4).

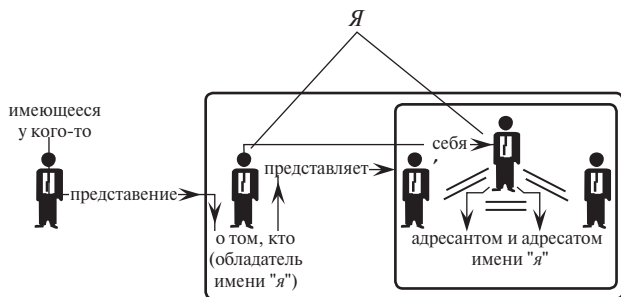

Рис. 5. «Я» как имеющееся у индивида представления о ком-то, обладающем именем «я», а оно, в свою очередь, представлено в виде треугольника Фреге (Петровский, 2012, с. 218)

Преодолению дурной бесконечности в понимании «я» может служить схема, в которой наряду с рисунком, содержится текст, комментирующий рисунок; сам рисунок включает в себя семиотический треугольник Фреге, где индивид выступает одновременно в роли адресанта, адресата и смыслового значения имени (слова) «я» (рис. 5).

Другой путь осмыслить-визуализировать «я»: «куб Неккера» (см. рис. 6). Если считать, что «я» — это воспринимаю-

щий, полагающий, переживающий себя индивидум, то перед нами рисунок, выражающий идею единства созерцания и созерцаемого, целеполагания и целево-положения, переживания и переживаемого. Разные грани куба меняются местами: символ инверсии субъективных и объективных аспектов «я».

Автор исторически первой теории личности (что справедливо подчеркивает Отто Фенихель), Зигмунд Фрейд, был по-видимому, первым портретистом «я», нарисовав свою структурную модель психического аппарата (рис. 7).

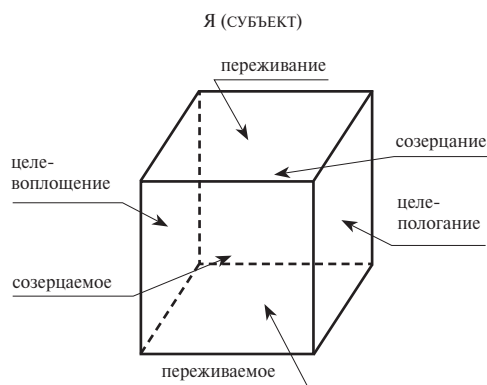

Рис. 6. Идея «я» — «живой знак». Перед нами куб Неккера. Есть смысл приглядеться: стороны куба то выступают вперед, то прячутся за другими, появляются то справа, то слева, показывают себя то сверху, то снизу. Целеполагание и целево-воплощение, созерцание и созерцаемое, переживание и переживаемое, символизируемые гранями кубика, пульсируют, подменяют друг друга, выражая идею взаимоперехода «ментального» и «физического» («субъективного» и «объективно-го») (Петровский, 2013)

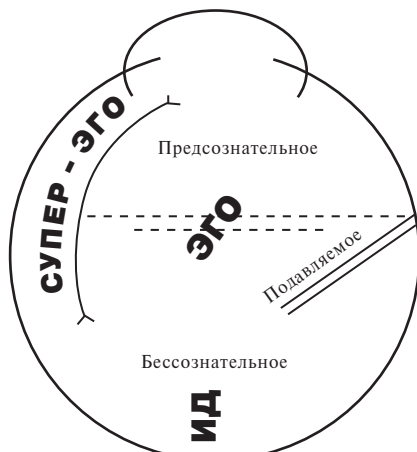

Рис. 7. Модель Фрейда

Галерея автопортретов «я» и портретов других людей, включенных в «я», представлена в работах В. А. Лефевра (1996) (рис. 8). Приведем фрагмент из главы «Психографический знак

в математической структуре» его книги «Рефлексия» (Лефевр, 2003). В данной части работы Лефевр предлагает математическую форму и визуальную модель внутреннего диалога одного из персонажей гоголевского «Ревизора» (с. 347–349):

Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед... Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше: возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полотах да ешь пироги...» (Действие второе, явление I). Этот монолог Осипа раскладывается в следующий многочлен:

Эй, Осип, ступай, посмотри комнату лучшую, да обед спроси самый лучший	Хлестаков думает про Осипа с позиции Осипа
Я не могу есть дурного обеда	Хлестаков думает про Хлестакова с позиции Осипа
Нет, видишь ты, нужно в каждом городе показать себя	Осип думает про Хлестакова
Право, на деревне лучше... возьмешь себе бабу да и лежи... на полотах	Осип думает про Осипа

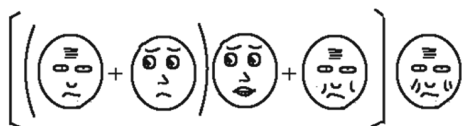

Рис. 8. Рефлексивные структуры в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (Лефевр, 2003)

По примеру Лефевра, сотни тысяч рефлексизирующих себя «человечков», правда, не столь эмоциональных, были нарисованы представителями школы Г. П. Щедровицкого за годы существования «Комиссии по психологии мышления и логике» в Москве, начиная с 1958 года.

Психология мышления в их работах обрела логику, а та, свою очередь, — *жизнеспособность* в организации мышлении.

Значимые с точки зрения самоорганизации жизни человека схемы самосознания представлены в работах, основанных на проективной методике Н. Л. Нагибиной «Тело и душа» (Нагибина, Миронычева, 2005, с. 350). Эмпирически было найдено 12 наиболее типичных образов-символов тела и души (три из которых мы приведем ниже, рис. 9). Авторы не ограничиваются визуальной феноменологией и соответствующими комментариями, но удачно соотносят их с существующими в культуре типами осмысления «я» как телесно-душевной (психофизической) целостности.

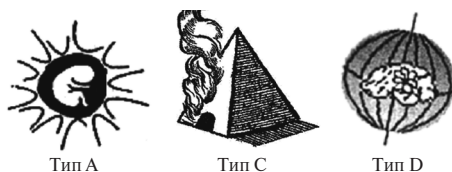

Рис. 9. Типичные образы-символы тела и души (Нагибина, Миронычева, 2002)

Так, тип А (рис. «Ребенок в утробе матери») интерпретируется в связи с мировоззрением Дж. Локка (1960), которую авторы реконструируют так: «Благодаря чувствам, которые идут от тела, душа все более и более обогащается идеями, все более и более пробуждается, мыслит тем усиленное, чем больше у нее материала для мышления». Тип С (рис. «Человек с огнем в груди») интерпретируется авторами как адекватный мировоззрению Анри Бергсона: «Тело — косная материя Вселенной. Душа (души), проходя через тело человечества, содает восходящий поток (сознание), который преодолевает материю». Тип D (рис. «Земной шар и мозг») соответствует мировоззрению Гегеля: «Тело — реальность, душа — понятие. Понятие и реальность должны соответствовать друг другу. Душа без тела

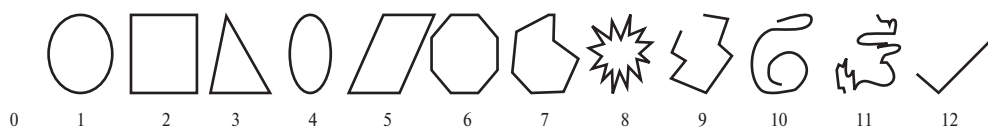

Рис. 10. Геометрические фигуры, символизирующие тело человека

не была чем-то живым, также и наоборот. Я свободен в своем теле, имею власть над ним. Дух, одушевляя тело, делает его послушным органом».

На основе оригинальной методики «Тест геометрических фигур» (рис. 10) был предложен эффективный способ диагностики «внутренней границы тела», определяемой А. Ш. Тхостовым (как «субъективное ощущение человеком того, где он заканчивается» (Бескова, Тхостов, 2005, с. 238). Испытуемым давалась такая инструкция: «Вы видите перед собой изображение различных геометрических фигур.

Представьте, что эти фигуры символически изображают ваше тело. Выберите фигуру, больше всего похожую на ваше тело, про которую можно сказать, что вы внутри нее находитесь, как находитесь внутри вашего тела. Затем выберите из оставшихся 12 изображений фигуру наиболее похожую на ваше тело. Все фигуры надо расположить по убыванию сходства с вашим телом... Внутри какой фигуры

вам хотелось бы находиться, в какой фигуре, изображающей ваше тело, вам было бы максимально комфортно? Вы можете выбрать одну из этих фигур или нарисовать свою» (Бестов, Тхостова, 2005, с. 244). В результате исследования удалось выявить различия между здоровыми и больными людьми (соматоформные и гастроэнтерологические расстройства). Здесь перед нами пример того, как смутные телесные переживания («чувствования», по словам И. М. Сеченова) облачаются в знаковую форму, создавая, как мы бы сказали, феноменологические очертания «я».

Графические модели «я» были предложены нами в развитие идеи персонализации (концепция *личности* как бытия в другом и для другого) и мультисубъектной теории личности (Петровский, 1981; Петровский 2013 и др.) (рис. 11а и 11б).

Отражаясь в разных людях разными гранями себя, индивид («пространство «я»») генерирует многообразие своих собственных «я», представленных

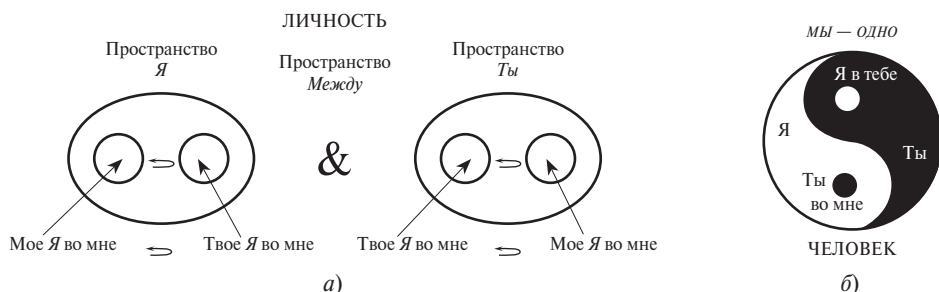

Рис. 11. а) Модель трех пространств существования личности. Изогнутая стрелочка означает принадлежность, опору, деятельное присутствие кого-либо в ком-либо. Эта модель в разных вариантах, с большей или меньшей степенью детализированности, разным дизайне описана в наших книгах (Петровский, 2008; Петровский, 2013).

б) Модель Всеобщего «я» («человек»). Идея равенства взаимоприсутствия: «Я в тебе = Ты во мне» (Петровский, 2013, с. 452)

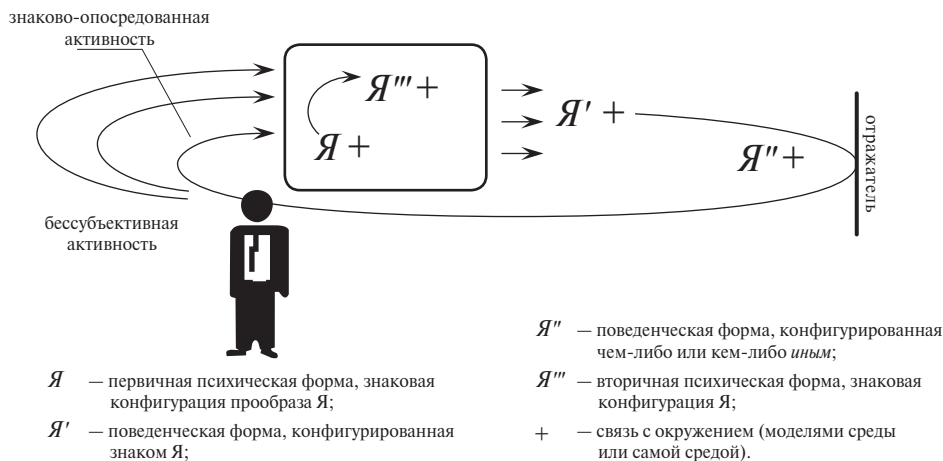

Рис. 12. Динамика «я» как причины себя

в нем самом и других людях. Он также отражает в себе «я» других индивидуумов («пространство “ты”»), — они в нем запечатлеваются и продлевают себя. *Представление* о том, что «я продолжаю себя в другом» — это не только фрагмент самосознания («часть» ментальности индивида) и не только прерогатива *теории*, это также и действенный фактор саморегуляции человека, позиция человека в мире, выраженная строчками А. С. Пушкина: «Нет, весь я не умру...» (см.: А. В. Петровский, В. А. Петровский, 1982; В. А. Петровский, 1981). На основе метода отраженной субъектности удалось показать, что актуализация представлений о себе (мое «я» во мне) и о другом (твое «я» во мне) в сознании испытуемых ведет к изменению их поведения (риск, креативность и др.) (Петровский, 2010б).

В зависимости от того, как устроена знаковая конфигурация становящегося «я», эти модели способны предопределять характер последующих действий и, как следствие этих действий, в порядке обратной связи, поддерживать или модифицировать конфигурации «я»¹⁷. Знак

«я» приобретает динамику, как бы оживает, превращается в работающую структуру (рис. 12).

«Я» — как особое знаковое построение, пребывающее в динамике: бессубъектная активность индивида → посредничество со стороны прообраза «я» → поведение → «ответы мира» → активность индивида → посредничество со стороны обновленного прообраза «я» → поведение →... (Петровский, 2010а).

«Я» как знаковая конфигурация (прообраз «я») — это не только посредник в ряду «активность—знак—мир», но и следствие самого себя как возвращающейся к себе причины; отразившись в объекте, превратившись тем самым в новый поток импульсов, активность наводит новый порядок в знаковом психическом поле; рождаются новые знаки и, следовательно, новые посредники, конфигурирующие активность индивида. В этих процессах «я» выступает в качестве полной самопричинности (*causa sui*) одновременно в *четырёх* аристотелевских смыслах слова «причина»: материальной

¹⁷ Психопатология моделей «я», их возможная связь с личностными расстройствами и зави-

симость от личностных адаптаций — шизоидной, параноидной, обсессивно-компульсивной и др. — тема, требующая специального рассмотрения.

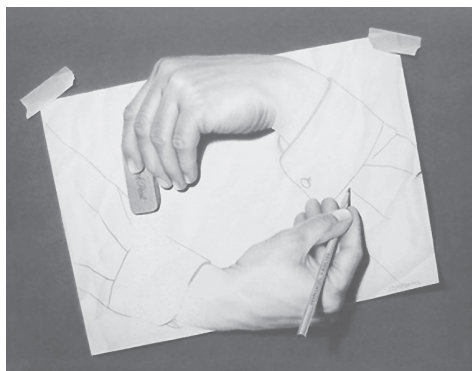

Рис. 13. Дж. Д. Хиллберри «Кошмар Эшера». В. А. Петровский: Предлагаю название «Держите себя в руках!»

причины — то, из чего, формальной — то, по форме чего, действующей — то, посредством чего, и целевой — то, ради чего (Петровский, 2010 а; 2014).

Все эти модели *первоначально* суть прообразы «я» (было бы неправильно называть их образами¹⁸). На старте своего возникновения они не являются *отражениями* чего-то реально сущего в жизнедеятельности индивида. Но по мере того как им «доводится», будучи особыми структурами квалиа, опосредовать поведение индивида, играя роль прообразов его будущих проявлений, они превращаются в реалии жизни, обретая действительность. Во всех этих случаях мы имеем дело с «парадоксом Эдипа»: проблемой

самосбывающихся и саморазрушающихся прогнозов. В этом смысле «рисунок я» небезучастен, он вовлечен в процесс самотворчества, выступая как деятельное, строящее себя «я». Визуальную метафору самопостроения дает нам рис. 13.

Привносимые отчасти культурой, отчасти спонтанно рождающиеся прообразы «я» во всех их сходствах и различиях, представляют собой инструмент и побудительное начало построения деятельных отношений с миром, активной неадаптивности человека как субъекта деятельности и общения. В них выступает избыточность психики в регуляции поведения, превосходство возможного над сиюминутным, примат «могу» над «хочу» (Петровский, 1975; 2010б). В терминах П. К. Анохина можно было бы сказать, что здесь перед нами «опережающее отражение будущего» (так Анохин понимал психику вообще), но в его концепции это, скорее, воспоминание о будущем, многократно прожитом в прошлом. В данном же случае речь идет о ресурсах «*преадаптации* человека к неопределенному будущему» (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017), об участии человека (Зинченко, 2010) в порождении многообразных миров¹⁹.

Нам остается вернуться к символу γ , обозначающему гипотетическую связь психического и физического — что описывается в таких словах, как «предметная деятельность», «установка», «восприятие», «мышление», «воля» и др. (Петровский, 2004). Значок « γ », занимающий центральное место в построении $\phi \ \gamma \ \psi$, символизирует, собственно,

¹⁸ Поразительная черта большинства публикаций, посвященных «я»: мы не находим в них, собственно, «я», но только — *образы* «я», *концепции* «я», в некоторых работах «я» предстает как нарратив, рассказанная о себе история (в последнем случае возникает отмечаемый авторами риск потери «я» как самоидентичности (Порус, 2014)). О каких-либо прообразах «я» речь, как правило, совсем не идет; упускается тот факт, что «я», опосредуя контакты человека с миром, «строит себя», «порождает себя из себя», растит себя из своих прообразов; исключение, пожалуй, составляют феноменологические разработки Т. М. Рябушкиной (2014), использующей термин М. Хайдеггера «набросок я» и раскрывающей важные ресурсы понятия, индуцируемого этим термином.

¹⁹ Идея *образования* как порождения многообразия, многомерности и многомирности прообразов и образов «я» не просто идеологема, хотя *отстаивать* ее в известные времена непросто, но, как убедительно показывает А. Г. Асмолов (Асмолов, 2015), эта идея есть фундаментальная культурно-природная предпосылка развития человека и человечества.

психофизику бытия индивидуума как универсума двух сопричастных друг другу — **взаимоопосредование** физического и психического, *со-бытийность* того и другого. Всем сказанным определяется ассиметричный характер этой связи: не психика «обслуживает» тело, а тело, в конечном счете, — психику.

Итак, мы приходим к общему выводу: *физические элементы, объединяясь, служат источником порождения, условием функционирования и ресурсом самоосуществления психики как целостности, включающей в себя ощущения, интенции, мысли, стремления, аффекты, смыслы, «я» — все многообразие нередуцируемых к своим физическим истокам квалиа.*

Литература

- Асмолов А. Г. (2015). Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение.
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. (2017). Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. №4. С. 1–24.
- Бауэр Б. (1979). Психическое развитие младенца. М.: Прогресс.
- Бергсон А. (1913–1914). Собрание сочинений: Т. 1–5. СПб.: Издатель И. И. Семенов.
- Бергсон А. (1992). Собрание сочинений. Т. 1. М.: Московский клуб.
- Беркли Дж. (1978). Сочинения. М.: Мысль, 1978.
- Бескова Д. А., Тхостов А. Ш. (2005). Телесность как пространственная структура // Психология телесности. Между душой и телом / ред.-сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. М.: АСТ. С. 236–252.
- Васильев В. В. (2009). Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция.
- Волков Д. Б. (2008). Теория сознания Д. Деннета. Дис... к. филос. н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Деннет Д. (1998). Онтологическая проблема сознания (антология) // Аналитическая философия: становление и развитие / отв. ред.
- А. Ф. Грязнов. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция.
- Зинченко В. П. (2010). Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур.
- Лефевр В. А. (1996). Космический субъект. М.: Ин-кварти.
- Лефевр В. А. (2000). Конфликтующие структуры. М.: ИП РАН.
- Лефевр В. А. (2003). Рефлексия. М.: Когито-Центр.
- Локк Дж. (1960). Избранные философские произведения. В 2 т. Т. 1. М.: Соцэкгиз.
- Мах Э. (1908). Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Изд. С. Скирмунта.
- Менский М. Б. (2005). Человек и квантовый мир. Фрязино: Век 2.
- Нагель Т. (2003). Каково быть летучей мышью? Самара: Бахрах-М.
- Нагибина Н. Л., Миронычева А. В. (2002). Психологические типы. Системный подход. Тело и душа. Ч. 2. М.: МГСА.
- Нагибина Н. Л., Миронычева А. В. (2005). Типологические особенности представлений человека о теле и душе // Психология телесности. Между душой и телом / ред.-сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. М.: АСТ. С. 344–355.
- Павлов В. П. (б.г.). Реальная физика. Глоссарий по физике URL: <http://bourabai.kz/physics/2985.html>
- Петренко В. Ф. (2010). Вернем психологии сознание // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. № 3. С. 121–141.
- Петровский А. В., Петровский В. А. (1982). Индивид и его потребность «быть личностью» // Вопросы философии. № 3. С. 44–53.
- Петровский В. А. (1975). К психологии активности личности // Вопросы психологии. № 3. С. 26–38.
- Петровский В. А. (1981). К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. № 2. С. 40–46.
- Петровский В. А. (2008). Логика «Я». М.: Изд. центр ТГПУ им. Л. Н. Толстого.
- Петровский В. А. (2004). Психология: «непредметность предмета» // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН.
- Петровский В. А. (2010а). Существует ли Я — субъект познания, воли, переживаний //

Методология и история психологии. Вып. 1. С. 136–148.

Петровский В. А. (2010б). Человек над ситуацией. М.: Смысл.

Петровский В. А. (2012). Я в мысли и я наяву: как возможно существование Я? // Проблема «Я»: философские традиции и современность / под ред. В. Н. Поруса. М.: Альфа-М, 2012. С. 195–222.

Петровский В. А. (2013). «Я» в персонологической перспективе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Петровский В. А. (2014). Я: конфигурации артефакта // Культурно-историческая психология. № 1. С. 63–78.

Петровский В. А., Ярошевский М. Г. (2005). Психика // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в 6 т. Том: Общая психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского. М.: ПЕР СЭ. С. 24–27.

Порус В. Н. (2014). «Тожество Я» в философско-методологическом и психологическом измерениях // Субъект и культура / отв. ред. В. Н. Порус. СПб.: Алетейя. С. 214–229.

Пушкин В. Н. (1980). О материальной основе отражения действительности // Вопросы психогигиены, психофизиологии, социологии труда в угольной промышленности и психо-

энергетики / Ю. Е. Подшивалов и др. М.: Б.и. С. 326–340.

Рубинштейн С. Л. (1946). Основы общей психологии. М.: Учпедгиз.

Рябушкина Т. М. (2014). Самореференция и самописание как основания самоидентичности: поиск альтернативы субстанции // Субъект и культура / отв. ред. В. Н. Порус. СПб.: Алетейя. С. 230–254.

Фенихель О. (2015). Психоаналитическая теория неврозов. М.: Академический проект.

Хекхаузен Х. (1986). Мотивация и деятельность. В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1986.

Чалмерс Д. (2013). Сознający ум. В поисках фундаментальной теории сознания. М.: УРСС; Книжный дом «ЛИБЕРКОМ».

Шнем Г. Г. (2010). Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры. М.: РОССПЭН.

Davidson D. (2006). The Essential Davidson. Oxford: Oxford University Press.

Schrödinger E. (2001). What is life? // The physical aspects of the living cell. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Velichkovsky B. M., Krotkova O. A., Sharayev M. G., Ushakov V. L. (2017). In search of the “I”: neuropsychology of lateralized thinking meets dynamic causal modeling // Psychology in Russia: State of the Art. Vol. 10, Issue 3.